

АЛЕКСАНДР РОГИНСКИЙ

Концертное кафе

Александр Рогинский Концертное кафе

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21118285
Мультимедийное издательство Стрельбицкого;*

Аннотация

Ее голос ошеломителен, гипнотизирует зрителя. Она поет о любви, заставляя познать всю глубину этого чувства. Но вот входит в кафе «Крещатик», где должен состояться концерт ее группы, окидывает привычным взором эстрадной звезды зал, видит молодого человека. Миг – и жизнь круто разворачивается. Что внушала другим, теперь касается ее самой. Но, оказывается, кроме силы любви, есть еще сила непокорности, вызова. Она творит любовь, а не наоборот. Но сопротивление обречено... «Концертное кафе» становится сценой, на которой разыгрываются великие страсти...

Александр Рогинский

Концертное кафе

Памятник – это память, чтобы новое поколение знало, как жили до него.

Я стою перед памятником, которого давно нет, но мне не надо напрягать воображение. Вместо паркинга, из которого выезжает шикарный «лексус», я вижу старый почтамт, опирающийся на колонны – костили, а рядом, словно собачку, прильнувшую к ногам хозяина, «стекляшку», которую киевляне так называли потому, что она вся была из стекла.

Официально же «стекляшка» именовалась «кафе Крещатик». Днем оно работало, как пищеблок, а вечером превращалось в концертную площадку.

Вспоминая популярное заведение, вижу героев своего повествования. Только не пойму, были ли они на самом деле, или это плод моего воображения!? Склонен думать – все-таки были.

* * *

Басов сидел за своим столиком, рядом вытирала мокрой тряпкой пол уборщица, а в дверь уже входил Григорий Друскин. С Басовым они сразу нашли общий язык, Друскин, прекрасно знающий музыку и музыкальные нравы, охотно давал

Басову информацию.

Не одно интервью уже появилось с ним в молодежке, в которой работал Басов.

Но вот с последним произошла неувязка. Впервые Басов не дал перед засылом прочитать интервью, в котором речь шла о проблеме цензуры со стороны партийных и комсомольских органов.

Друскин согласился на такую постановку вопроса после последнего случая, когда райкомовский чиновник запретил выступления известного латвийского ансамбля только из – за того, что пели они на родном языке.

Друскин рассвирепел. Он организовал приезд, гостиницу, решил финансовые вопросы, а теперь получалось, что комсомольский перестраховщик перечеркивал все его труды, но главное – его имидж надежного администратора.

В интервью об этом было сказано, но Друскина срочно услили в командировку и материал вышел без визы. И наделал немало шума. Редактора вызвали на ковер в ЦК комсомола, досталось и Басову.

А в музыкальном театре, где Друскин работал администратором, готовили хорошую баньку, ведь информация шла от него.

Друскин сразу направился к Басову.

Тяжелый камень лежал у Басова на душе. Ему дали выговор, хотя сам редактор требовал острых материалов и именно по руководству комсомола искусством. Хрущевская отте-

пель разогнула спины, подняла людей с колен. Но, видимо, рано начали оживлять едва пульсирующую жизнь.

Басов встал, пожал руку Друскину.

– Спасибо вы мне, конечно, не скажете, но я не мог зави- зировать материал, вас не было в Киеве, а снять интервью мне не дал ответственный секретарь.

– Плохо не это, – сказал Друскин, тяжело опускаясь на стул. – Плохо, что переврана фамилия директора.

– Да и это, – согласился Басов. – Но в материале все пра- вильно, это корректура. Вас уволят?

– Возможно.

– А где же вы будете работать?

– Здесь и буду.

У Басова сжалось сердце. В большой семье Друскин был единственным кормильцем. В музыкальном театре платили не Бог весть какие деньги, но там можно было подработать на выездах в область, в том же кафе «Крещатик»...

– Я вам могу только одну вещь предложить: у меня хо- рошие отношения с собственным корреспондентом «Комсо- молки». Против этой газеты никто и пикнуть не посмеет. И если там выйдет, конечно, заново написанный материал, то, считайте, мы победили.

– Сразу – да. А потом съедят заживо.

– Не съедят, мы будем следить за этим.

– Вы хотите, Веня, жить в состоянии войны? Я не хочу. Этих людей вы не переделаете, они функционеры, винтики

в механизме, а против лома нет приема.

— Так что же, получается — жить на коленях и каждого иди-
ота бояться?

— Получается то, что получается. Вы не Галилей, а я не
Бруно. Мы люди маленькие, если нас сожгут на костре, от
нас даже дыма не останется.

Мы с вами попали в переделку, клюнули на свежий ветер,
теперь будем учитывать это в своей работе.

— Дуть на воду?

— Дуть на воду.

Друскин улыбнулся. Для Басова, словно солнце выгля-
нуло. Ведь если разобраться, он, что называется, подловил
Друскина на ситуации и уговорил его дать такое интервью.
А сам в глубине души хотел помахать пальчиком: смотрите,
мол, какой я смелый.

В редакции было такое негласное соревнование. Моло-
дежка показывала свой задор и способность решать взрос-
лые проблемы. Такую возможность ей давали, но до опреде-
ленного момента, за которым начиналось минное поле.

С Друскиным на это минное поле Басов и полез. Взрыв
прогремел, правда, еще не такой громкий. А Басов хочет его
сделать слышимым на весь Союз. Огромный риск, и понят-
но, что на него не хочет идти Друскин. Не верит, что «этих»
можно победить. И правильно не верит. Но тогда зачем все
это нужно?

«Нужно, нужно, нужно», стучал молоточек в голове. Ина-

че ты проспишь свою жизнь.

Жизнь была спокойной и уравновешенной. Глоток свежего воздуха, залетевшего в приоткрытую, по неведению генсека, форточку, поднял со дна осознание своего человеческого достоинства, без которого человек превращается в биологическую машину с мусорным ящиком вместо головы.

Так не хотелось прожить свою исключительно нужную (как считал Басов) жизнь.

— Сделаем так, — предложил Басов. — Я свяжусь с «Комсомолкой» и договорюсь, что в материале вы будете фигурировать косвенно. Не будет вашей прямой речи, ваших мыслей, а только участие в скандале.

— Вы не поняли, — начал злиться Друскин (даже пятна пошли по лицу), — я не Дон — Кихот, а старый уставший человек. Я не люблю этих людей, я не люблю эту страну, ее строй, я многое не люблю, но люблю свою семью, жизнь и искусство. Хочу дожить, отдав силы не для взбаламучивания ила на дне, а плавая в чистой воде.

— А как же быть с остальными? — спросил удрученно Басов, прекрасно зная ответ.

— Избавьте, избавьте... — Сегодня хорошая группа будет выступать, но боюсь, что снова, особенно после вашего материала, явятся смотрящие.

— Что они могут найти в безобидной «виашной» музыке?

— Вы имеете в виду музыку вокально — инструментальных ансамблей?

– Ее самую. Комсомол их поднял на волну, хотел показать, какой он деятельный. ВИА должны были петь о нашей героической молодежи, которая успешно строит коммунизм. А «виаиники» начали играть джаз.

– Это не совсем так, они все – таки поют и играют больше именно молодежные романтические произведения, а джаз... Кто знает, что это такое? Спросите у любителя джаза и он вам начнет рассказывать о «своем» джазе. Но были, конечно, и основатели, те, кто начал формировать этот стиль...

Вот комсомольцы на всех углах кричат о равенстве всех рас и народов. Но разве они не знают, что джаз родом из Африки и зазвучал в американском Нью – Орлеане, что его создателями были негры?

Эллингтон, Лансфорд, Бейси, Хендерсон – эти выдающиеся музыканты играли свинг, который так и вошел в историю джаза, как «черный свинг».

Что это значит? Мы, борцы за справедливость, отказываем угнетенным неграм в их искусстве. Смешно.

Но попробуйте это сказать вашим учредителям.

– Каким еще учредителям? – не понял Басов.

– Ведь ваша газета орган ЦК комсомола, не так ли? Вот они и учредители.

– Да это обыкновенные перестраховщики, дрожащие за свою карьеру и готовые родную мать продать из – за теплого кабинета. Они самые элементарные жандармы, лижущие задницы своим старшим наставникам коммунистам.

— Вам не страшно произносить такие слова? Хотя вы ведь так молоды... Но смелость ваша до первой серьезной стычки, вот когда они наложат на вас вето и не дадут вам заниматься любимой работой, посмотрим, что вы запоете.

— Джаз запою, — рассмеялся Басов. — Ей Богу. Когда же его петь, если не в мои годы?

— Я рад, что вы так настроены, но все — таки, Веня, будьте осторожны. Плетью обуха не перешебешь.

— Так это они плеть, а мы обух.

— Хорошо. Значит, я пошел.

Басов остался сидеть за столиком, с него еще не сошел жар спора, он чувствовал себя паровозом, набравшим скорость...

И если бы сейчас к нему подсел закосневший комсомолец, он бы ему показал...

Но последние слова Друскина охладили пыл, Басов пожегился, словно стало холодно. Где правда? Почему все знают, что ложь ведет в пропасть, а продолжают лгать и бояться?

Впервые он задумался над мыслями Друскина. Ему нравился этот человек своей уравновешенностью. Он не устроил ему скандал, а ведь это была ошибка Басова — не дать материал на визирование.

Да, Друскина не было в Киеве, можно было подождать, но не терпелось.

И никакой ответственный секретарь неставил материал в номер, а Басов настоял, чтобы его поставили, озвучив факты,

против которых не смог устоять редактор.

А не устоял он перед фактом, выброшенным Басовым, как последний козырь: в Киев приезжает канадская молодежная организация, в составе которой много молодых людей из украинской диаспоры. Они обязательно будут знакомиться с прессой. Так хорошо бы им показать, что у нас тут тоже есть демократия и что мы свободно можем критиковать даже сам комсомол (пусть и низовой). И интервью с Друскиным как раз попадает в десятку.

Против этого редактор устоять не мог.

* * *

Собственный корреспондент «Комсомольской правды» Вадим Песцов жил на Большой Житомирской в доме, который в начале XX века называли «комодом».

Внешне он действительно был похож на комод с пилистрами, фризами, скульптурами и тяжелыми колоннами.

Внутри высокого и гулкого парадного в тусклом свете виднелись на потолке потемневшие от времени фрески: что – то вроде «Похищения Европы».

Вадим встретил у порога, оглядел внимательно.

– Проходи, проходи. Я тут один, у меня бардак, вчера допоздна засиделись, приезжали ребята из Москвы, мы по Украине готовим разворот, – говорил Песцов, забрасывая валяющиеся в беспорядке вещи в глубокое кожаное кресло.

Москвичи в Киеве чувствовали себя аксакалами: их слова ловили, их знали, читали, их имена на слуху.

Провинциальная украинская пресса не могла похвастаться такими масштабами и журналистскими успехами.

В то время «Комсомолка» увлекалась «социальными очерками», в молодежке Басова решили и у себя опробовать этот жанр. Но вышло очень уж смешно, провинциально.

Не было такого класса журналистов (Москва их собирала со всего Союза, да и школа журналистская в главной столице была на высоте), ну и, конечно, все тот же комплекс неполноценности «маленького украинца».

Что тут говорить, Басов завидовал Песцову. У него были возможности, о которых можно было только мечтать. Вот если бы...

Вот отчего Басов себя чувствовал в присутствии Песцова второсортным, мало что умеющим и вынужденным в силу этого смотреть на своего коллегу снизу вверх? Но упорно боролся с этим гадким ощущением униженности.

Несколько дней назад за подписью Песцова вышел в «Комсомолке» блестяще написанный материал о молодежных кафе. Вот почему он и заинтересовался Басовым.

Они сели у небольшого электрического камина, Песцов достал трубку, начал ее набивать. Стиль, ничего не скажешь. И он действовал. Перед Басовым сидел благополучный, преуспевающий и имеющий власть журналист.

Басов ждал, пока Песцов раскурит шикарную трубку.

Приятный аромат наполнил комнату.

- Привез друг с Кубы. Ну, так о чём мы?
- О материале, который грозит мне неприятностями, а худруку кафе «Крещатик» увольнению из театра.
- Нормальная реакция, а что ж ты хотел, чтобы чиновники вам спасибо сказали? Мне приходится частенько слышать всякие угрозы с их стороны. Ответ в таких случаях прост. Если газета написала неправду, пожалуйста, докажите: через суд или как по – другому.

И тут они скисают, потому что боятся нас. У каждого ведь рыльце в пушку.

- Наших чинуш этим не возьмешь.
- Хочешь, чтобы мы вступились за тебя? Многое хочешь, да, собственно, кто ты такой? Если я начну за всех заступаться, кто заступится за меня?

Песцов остался доволен собственной фразой и дымнул кольцом в потолок, мечтательно сопроводив его взглядом доброго хозяина.

Басова слегка передернуло. Такого приема он не ожидал. В прошлый раз Песцов сам предлагал писать на острие возможного, быть смелей, чем ты есть на самом деле. Журналистика – это бесстрашие.

Хорошо ему говорить, когда за ним Москва, связи. А тут каждый маленький чиновник может тебя живьем закопать, достаточно иметь выход на ЦК. Там разбираться не будут.

- Что, не нравится? – тонко улыбнулся Песцов. – Тер-

пи казак, атаманом будешь. Драться надо уметь. А что, собственного, такого ты страшного написал? Читал я твой очерк, ничего особенного: хвалишь «Крещатик», ругаешь все остальные забегаловки. Так они сами знают им цену.

– Знают, конечно. Но каждый думает о себе, а я многих серьезных людей зацепил.

– Ладно, поможем, – махнул трубкой по – сталински Песцов. – Только ты меня с Друскиным сведи, чтобы он подтвердил, что все сказанное им – правда.

– Он уже не скажет, его запугали, у него большая семья. Хотя спокойно воспримет увольнение.

– Ну почему сразу увольнение? – скривился Песцов. – Это крайняя мера. Короче сделаем так. Я переговорю со своими, тема нужная, она у меня в плане стоит на втором месте, а я пойду по твоим следам, как бы вдогонку. Это хороший ход. Заодно и тебя пожурю мягко, так чтобы видели, что и ты не агнец Божий.

– Это ты умеешь, – с облегчением вздохнул Басов.

Они проговорили еще с час о будущем материале, потом о самом кафе. Басов пригласил Песцова на субботнюю премьеру – время начала выступлений ансамбля «Синкопа».

– Приду, обязательно приду, – пообещал Песцов, а то засылся тут с этим комсомолом, бес ему в ребро.

* * *

Басов зачерпнул последнюю ложку бульона, выловив фрикадельку. На дне оставалось еще немного прозрачной золотистой жидкости, но было неудобно доедать до капли перед Татьяной, которая уже подходила со вторым блюдом.

С некоторых пор Басов стал кормиться в «Крещатике». Здесь вкусно готовили, а цены были не такими уж высокими. Друскин питался бесплатно, как администратор, он предложил и Басову оформить «пансион», но Басов не согласился.

— Не надо давать поводов, не то потом обязательно пришлют мне статью «взятка». Лучше я буду платить за себя.

Для его бюджета, правда, обед был тяжеловат, но зато это настоящая еда. Как только Друскин привел в кафе Петра Осадчего, повара из Обуховского ресторана, так сразу и клиент пошел густой толпой. Не понадобилось и рекламы, каждый рассказал своим знакомым.

Татьяна принесла свиную отбивную с косточкой, любимое блюдо Басова. Он заказывал его редко, стоила отбивная недешево, но сегодня решил побаловать себя: в кафе ему сегодня предстояло работать, следовало набраться сил.

Отобедав, Басов достал из сумки портативную машинку и пересел за угловой стол. Голоса, шаги, вздохи и разговоры... Вся эта канонада прекрасно стимулировала писание.

К двум часам Басов закончил печатать.

В это время директор кафе Виталий Павлович Оноприенко ехал обедать домой, Басов подсаживался к нему – маршрут проходил рядом с редакцией, а материал он должен был сдавать к трем часам.

Оноприенко ездил обедать домой не потому, что в кафе ему не нравилась кухня, жена заставляла. Последнее интервью с Друскиным Оноприенко прочитал с удовольствием, а когда узнал, что у Басова из – за этого материала неприятности, тут же предложил помочь.

И сейчас, едва машина тронулась, Оноприенко, повернувшись к Басову так, что был виден только его профиль, спросил:

– Штормить перестало?

В прошлом Оноприенко был капитаном сухогруза и все еще частенько разговаривал на морском диалекте.

– Только начинает, Виталий Павлович. Может даже и поураганить.

– Вот жлобы, всего боятся! И что им этот джаз дался? Ну, покрутят жопками девицы, что тут такого? Сами – то что вытворяют за высокими стенами! Ох, посмотрел бы ты, Веня, что они там вытворяют… Жлобство, мой дорогой, – продолжал Оноприенко, – есть продукт несварения желудка, когда кроме своего живота человек ничего не бачить, ясно?

В редакционном коридоре Басова встретил ответственный секретарь газеты Бондарский.

– Поздновато на работу приходишь.

Бондарский был известным иезуитом. Если он не сделал кому — нибудь пакость, день прошел зря. Такова была его установка. Еще никто не видел на его лице улыбки, не слышал доброго слова.

Свою должность он считал в газете главной, а себя профессионалом всех времен и народов. Высокомерие его иногда доводило Вениамина до желания врезать по узкой, как у лошади, и злой, как у голодного волка, физиономии.

— Я, между прочим, тебе материал в номер принес, как и обещал.

— Прошу, — галантно поклонился Бондарский, — в мой кабинет. Устроим читку.

Басов поплелся за Бондарским, зная наперед, что таких скверных материалов он еще в своей жизни не писал, что ответственный секретарь будет вынужден поставить вопрос о его профпригодности в газете.

Так он всех пугал.

Читка была мгновенной. Ожидаемого разноса не произошло. Бондарский, усевшись на угол стола, заваленного корректурой, посмотрел узкими жестяными глазами на Басова.

— У меня есть информация, что ты контактишь с «Комсомолкой», хочешь по поводу этой забегаловки, которую ты называешь «Концертным кафе», выстрелить, но теперь из более крупного калибра.

— Да, я был у Песцова, мы с ним обсуждали эту тему. Плохого ничего не вижу, газете надо защищаться от несправед-

ливых нападок.

— Так уж несправедливых? А ну посмотри мне честно в глаза. Они ведь тебя купили в этом кафе: кормят, девочек предоставляют. Ты думаешь, мы тут сидим лохами и ничего не знаем, где наш сотрудник бывает и с кем общается? Все знаем. Рассказывай.

— Что рассказывать? — искренне изумился Вениамин.

— Как ты там устроился: и пожрать дают, и девочку под бок... Тебе не кажется, что таким образом жизни ты подсываешь газете бомбу замедленного действия?

В этом кафе бывает черт знает кто, в том числе и наши генералы. А ты с некоторых пор личность известная, Гиляровский ты наш.

— Вот — вот, именно Гиляровский. Его работа заключалась в том, чтобы точно передать нравы и быт низов, и он не сидел в редакции, как смиренный ученик — отличник. Или с тех пор журналистика перестала быть журналистикой?

— Ты мне университетский курс не читай. Я тебе говорю о том, что в любой момент придет цидуля из ЦК о твоем моральном поведении и заодно, о чем ты вообще пишешь.

— А о чем я пишу, это интересно? — начал заводиться Басов. — Если ты имеешь в виду интервью с Друскиным, то эту тему ты мне и поручил вести на оперативке при всем честном народе. Так что свидетелей на Нюрнбергском процессе будет достаточно.

— Ишь хватил. Ладно, отнеси свой шедевр в машбюро. Ли-

де отдай, скажи срочно. От меня скажи, от тебя она не станет делать эту работу срочно, больно ты ее обидел.

Вениамин вышел из кабинета ответсека с гадливым чувством вины. Так оно всегда бывало, когда на тебя валили черт знает что – потом доказывай, что валил как раз тот, кто давал задание! И было такое чувство, что тобой хотели попользоваться.

А с Лидой – машинисткой вышло действительно, некрасиво. Он накричал на старушку, которую все звали Лида. Она эту фамильярность культивировала, все – таки работала в молодежной газете. И, наверное, хотела чувствовать себя по возрасту равной со всеми.

А он назвал ее старой клячей только за то, что она печатала не его материал в номер, а халтуру – какую – то переводную статью, за которую, естественно, платили наличкой.

Но потом он извинился, хотя она и бровью не повела, что в рабочее время зарабатывала.

Конечно, ей мало платят, а у нее dochь больная. А что делать Басову, когда до запуска в типографию сорок минут, а еще надо вычитать и подписать материал.

Лида никак не отреагировала на появление Басова, только переметнула папиросу из левого угла рта в правый.

Эта военного формата женщина безбожно курила. Зайти в машбюро порой было просто рискованно: там, как на советском металлургическом заводе, стоял сизый дымный туман.

Сколько раз ставили вопрос о соответствии занимаемой должности Лидии Карпенко, но все понимали: стоит ее только подтолкнуть, как она свалится на самих же подталкивателей с огромной тяжестью. Может и завалить.

Потому Лидия спокойно могла уничтожать пачками папиросы на своем рабочем месте. А уж ваше дело, как подобрать к ней ключики и получить свой напечатанный материал.

Чего нельзя было отнять у старой женщины, так это ее мастерства. Она была похожа на ту машинистку, которую великий драматург и философ Бернард Шоу, принимая на работу, спросил, с какой скоростью она печатает.

– 200 слов в минуту, – ответила машинистка.

Великий драматург почесал затылок:

– И где же я вам возьму столько слов?

Даже инквизитор Бондарский не всегда отваживался контактичесь с Лидой. Она и ему могла врезать по первое число (фраза, часто употребляемая в стенах редакции, которую расшифровать не мог ни один сотрудник).

Басов громко буркнул:

– Это в номер, я буду у себя.

И исчез.

В кабинете его ждала девушка в толстых зимних чулках, хотя на дворе все еще было тепло.

– Здравствуйте! Я к вам на работу, – сказала она, садясь в кресло у стола.

Басову ничего не оставалось, как занять свое место на-

чальника отдела.

До сих пор он работал один, хотя ему давно редактор хотел подсадить стажера. Но Басов со стажерами быстро расставался, времени не было кого – то учить, объяснять прописные журналистские истины. И ему шли навстречу, Басов был ценным сотрудником.

Во всяком случае, редактор сдерживал Бондарского в желании поставить зарвавшегося умника на место.

И вот новая попытка стреножить свободу. С появлением сотрудника он должен будет работать в строго обозначенные часы – ведь теперь отвечает не только за себя, но и за отдел.

Бондарский, при всем своем профессионализме, ревниво относился к свободолюбивым личностям, которые завоевывали свою свободу работой.

– Я в редакции ни одного яйца не высижу, – не раз в глаза говорил Бондарскому Басов.

Тот морщился от негодования.

– Если очень постараться, высидишь. Я всегда здесь и помогу тебе это сделать.

– Каким образом?

Такие стычки были постоянными. И когда Басову надоедало, он шел к главному редактору с заявлением об уходе.

Казимир Пшесинский мрачно созерцал Басова и начинал медленно вслух читать заявление, интонируя каждое слово так, чтобы было понятно, какую глупость написал его лучший сотрудник.

После чтения заявления Пшесинский разочарованно вздыхал и спрашивал себя:

– Выбросить, что ли, этого дурака на помойку? Но где он такую лафу найдет? В этот раз пожалею. Потом мне ноги целовать будет.

– Почему ноги? – не удержался в один из эпизодовувольнения Басов.

– А что тебе руки дать, у меня маникюр.

И действительно, руки главного редактора были в мужском маникюре.

Пшесинский, поляк по национальности, был родом из Krakова, в который он на какой – то юбилей привез чуть не всю редакцию и показал ее своей большой семье.

В этой большой семье сестра Пшесинского была знаменитой маникюршей и делала отличный мужской маникюр, входивший только в моду.

Много раз в ЦК комсомола Пшесинского высмеивали за эти «женские штучки», но поскольку крамолы в этом особенной не было, его оставили, в конце концов, в покое.

Редактор и внешне был похож немного на женщину: круглое лицо, большие карие глаза и пушистые ресницы. Но характер имел чисто мужской и подчас своей воле подчинял даже комитетчиков, не говоря уже о своем ответственном секретаре Бондарском.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.